

НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ

ТОМ 3

НИКОЛАЙ
ГУМИЛЕВ

ТОМ 3

K O C T E P

ДЕРЕВЬЯ

Я знаю, что деревьям, а не нам,
Дано величье совершенной жизни,
На ласковой земле, сестре звездам,
Мы — на чужбине, а они — в отчизне.

Глубокой осенью в полях пустых
Закаты медно-красные, восходы
Янтарные окраске учат их, —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм... Их души, верно,
Друг другу посылают тихий зов
С водой, струящейся во тьме безмерной.

И в глубине земли, точа алмаз,
Дробя гранит, ключи лепечут скоро,
Ключи поют, кричат — где сломан вяз,
Где листьями оделась сикомора.

О, если бы и мне найти страну,
В которой мог не плакать и не петь я,
Безмолвно поднимаясь в вышину
Неизчислимые тысячелетья!

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.

Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри—облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же у подножья древа,
Уста—как некий райский цвет,
Из-за какого мать Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем Божиим стал.

ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжерей,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.
Стук копыт участился,
Пыль все выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

ДЕТСТВО

Я ребенком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: — я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!!

Только дикий ветер осенний,
Прощумев, прекращал игру, —
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру.

Не один, — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.
Я за то и люблю затей
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

ГОРОДОК

Над широкою рекой,
Пояском-мостком перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.

Знаю, в этом городке —
Человечья жизнь настоящая,
Словно лодочка на реке,
К цели ведомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, где солдатики
Под пронзительный вой трубы
Маршируют, совсем лунатики.

На базаре всякий люд,
Мужики, цыгане, прохожие—
Покупают и продают,
Проповедуют Слово Божие.

В крепко-слаженных домах
Ждут хозяйки белые, скромные,
В самаркандских цветных платках,
А глаза все такие темные.

Губернаторский дворец
Пьшет светом в часы вечерние;
Предводителей жеребец—
Удивление всей губернии.

А весной идут, таясь,
На кладбище девушки с мильми,
Шепчут, ластясь: «Мой яхонт-князь!»
И целуются над могилами

Крест над церковью вознѣсен,
Символ власти ясной, Отческой,
И гудит малиновый звон
Речью мудрою, человеческой.

ЛЕДОХОД

Уж одевались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нет, изменчива Нева.
Ей так легко стать снова мрачной.

Взойди на мост, склони свой взгляд:
Там льдины прыгают по льдинам,
Зеленые, как медный яд,
С ужасным шелестом змеиным.

Географу, в час трудных снов,
Такие тяготят сознание —
Неведомых материков
Мучительные очертанья.

Так пахнут сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Те потайные погреба,
Где труп зарыт и бродят жабы.

Река больна, река в бреду,
Одни, уверены в победе,
В зоологическом саду
Довольны белые медведи.

И знают, что один обман —
Их тягостное заточенье:
Сам Ледовитый Океан
Идет на их освобожденье.

ПРИРОДА

Так вот и вся она, природа,
Которой дух не признает, —
Вот луг, где сладкий запах меда
Смешался с запахом болот;

Да ветра дикая заплачка,
Как отдаленный вой волков;
Да над сосной курчавой скачка
Каких-то пегих облаков.

Я вижу тени и обличья;
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.

Земля, к чему шутить со мною:
Одежды нищенские сбрось
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

Я И ВЫ

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

ЗМЕЙ

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...

Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной, —
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцырь под хищной луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клетот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такую молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское Море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятых моих
На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушеской дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».

Эти крики слыша, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура.

МУЖИК

В чащах, болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубях мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озороной.

Путь этот — светлы и маки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси.

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?»

В диком краю и убогом
Много таких мужиков,
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов» —

РАБОЧИЙ

Он стоит пред раскаленным горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один еще не спит:
Все он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждет его в большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошрое увижу наяву,
Кровь ключем захлыщет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал, в блузе светло-серой,
Невысокий старый человек.

ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады
Лесов и гор грядущих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде;

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забывт Олегов медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

НОРВЕЖСКИЕ ГОРЫ

Я ничего не понимаю, горы:
Ваш гимн поет кощунство иль псалом,
И вы, смотрясь в холодные озера,
Молитвой заняты иль колдовством?

Здесь с криками чудовищных глумлений,
Как сатана на огненном коне,
Пер Гюнт летал на бешеном олене
По самой неприступной крутизне.

И, царств земных непризнанный
наследник,
Единый побежденный до конца,
Не здесь ли Бранд, суровый проповедник,
Сдвигал лавины именем Творца?

А вечный снег и синяя, как чаша
Сафирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, как наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземные лица,
Чьи кудри — снег, чьи очи — дыры в ад,
С чьих щек, изрытых бурями, струится,
Как борода седая, водопад.

НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Вносящих над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский—
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
—Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю?—

Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное—виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Пловучая мина?
На это есть моряки!

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц—
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи, горя перед Богом;
Но все-таки женщины грезят—
О нас, и только о нас.

СТОКГОЛЬМ

Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глуби не наших времен,
Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и не радостный сон...

Быть может, был праздник, не знаю наверно,
Но только все колокол, колокол звал;
Как мощный орган, потрясенный безмерно,
Весь город молился, гудел, грохотал.

Стоял на горе я, как будто народу
О чем-то хотел проповедывать я,
И видел прозрачную тихую воду,
Окрестные рощи, леса и поля.

«О, Боже,—вскричал я в тревоге,—что, если
Страна это истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и, солнечной этой стране?»

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

ТВОРЧЕСТВО

Моим рожденные словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег.

Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,
Тревожный и теплый ветер
Дышал из южных ворот.

И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...

Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

УТЕШЕНИЕ

Кто лежит в могиле,
Слышит дивный звон,
Самых белых лилий
Чует запах он.

Кто лежит в могиле,
Видит вечный свет,
Серафимских крылий
Переливный снег.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты к раю
По моей мольбе,
Это так, я знаю,
Я клянусь тебе.

ПРАПАМЯТЬ

И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.

Бушует пламя, трубят трубы,
И кони рыжие летят,
Потом волнующие губы
О счастье, кажется, твердят.

И вот опять восторг и горе,
Опять, как прежде, как всегда,
Седю гривой машет море,
Встают пустыни, города.

Когда же наконец, восставши
От сна, я буду снова я, —
Простой индеец, задремавший
В священный вечер у ручья?

КАНЦОНА ПЕРВАЯ

В скольких земных океанах я плыл,
Древних, веселых и пенных,
Сколько в степях караваны водил
Дней и ночей несравненных...

Как мы смеялись в былые года
С вольною Музой моею...
Рифмы, как птицы, слетались тогда,
Сколько — и вспомнить не смею.

Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.

Ты мне осталась одна. Наяву
Видевший солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.

Да, ты в моей беспокойной судьбе —
Ерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.

КАНЦОНА ВТОРАЯ

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если правильно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

КАНЦОНА ТРЕТЬЯ

Как тихо стало в природе!
Вся — зренье она, вся, — слух.
К последней, страшной свободе
Склонился уже наш дух.

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Тогда я воскликну: «Где же
Ты, созданная из огня?
Ты видишь, взоры все те же,
Все та же песнь у меня.

Делюсь я с тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Последнее счастье — ты!»

САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь перед глазами —
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твое крылатое, слепое,
Неудержимое стремленье.

В твоем безумно-светлом взгляде
Смеется что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.

РОЗА

Но роза, принесенная в отель,
Забытая нарочно в час прощанья
На томике старинного издания
Цветов и песен благодатный хмель

И, бархатные лепестки целуя,
Быть может, преступленья не свершу я?
Мне книга скажет, что любовь одна
Печальней смерти и пьяней вина,

Нам запрещен, как ветхие мечтанья.
Лишь девственные наименованья
В тринадцатом столетии, как в этом,
Ее ведь смею я почтить сонетом:
Поэтам разрешаются отсель.
Канцон, которые слагал Рюдель, —

ТЕЛЕФОН

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, —
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и в трубке телефонной!

ЮГ

За то, что я теперь спокойный,
И умерла моя свобода,—
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

В дали, от зноя помертвелой,
Себе и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой белой
Звонит немолчная цикада.

Увижу ль пены побережной
Серебряное колыханье,—
О самой белой, о самой нежной
Поет мое воспоминанье.

Вот ставит ночь свои ветрила
И тихо по небу струится,
О самой нежной, о самой милой
Мне пестрокрылый сон приснится.

РАССЫПАЮЩАЯ ЗВЕЗДЫ

Не всегда чужда ты и горда,
И меня не хочешь не всегда,—

Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Надо лбом твоим густая прядь,
Мне нельзя ее поцеловать,

И глаза большие зажжены
Светами магической луны.

Нежный друг мой, беспощадный враг,
Так благословен твой каждый шаг,

Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

Я не знаю, где ты их взяла,
Только отчего ты так светла,

И тому, кто мог с тобой побыть,
На земле уж нечего любить?

О ТЕБЕ

О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!
В человеческой, темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
Словно герб отошедших времен.
Освящается им бытие
Всех земных, всех бескрылых племен.

Если звезды, ясны и горды,
Отвернутся от нашей земли,
У нее есть две лучших звезды:
Это — смелые очи твои.

И когда золотой серафим
Протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
Как защиту, твой белый платок.

Звук замрет в задрожавшей трубе,
Серафим пропадет в вышине ...
... О тебе, о тебе, о тебе,
Ничего, ничего обо мне!

СОН

Застонал я от сна дурного
И проснулся, тяжело скорбя;
Снилось мне—ты любишь другого,
И что он обидел тебя.

Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.

Ах, наверно таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам темным,
Как по руслам высохших рек.

Вот стою перед дверью твоею
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.

Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я все-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

ЭЗБЕКИЕ

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекию,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни солёный, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещи друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были
Похожие на спелый барбарис.   звезды,

И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими,
Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,
Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
В гуденье ветра, в шуме дальней речи
И в уважающем молчаньи ночи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый
странник
Я слова должен ехать, должен видеть
Моря, и тучи, и чужие лица,
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Старый Конунг, один из исландских властителей.

Снорре, Груббе, его ярлы.

Лаге, сын Гер-Педера; Ахти, молодые исландцы.

Гондла, ирландский королевич на воспитании у конунга.

Лера, она же Лаик. Знатная исландская девушка.

Вождь ирландского народа.

Ирландские воины.

Рабы.

Действие происходит в Исландии в IX веке.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Широкий полутемный коридор рядом с пиршественной залой; несколько окон и дверь в спальню Леры. Поздно.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Конунг, Снорре, Груббе, Ахти
выходят из пиршественной залы.

Конунг

Выпит досуха кубок венчальный,
Съеден дочиста свадебный бык,
Очего ж вы сидели печальны
На торжественном пире владык?
Снорре, Груббе, полярные волки,
Лаге, Ахти, волчата мои,
Что за странные слышал я толки
Пред лицом венценосной любви?
Вы шептались о клятве, о мести,
О короне с чужой головы,
О Гер-Педере... даже к невесте
Подходили угрюмыми вы.

Л а г е

У невесты мерцающий взгляд
Был так горько порой затуманен...

А х т и

Что ж! жених некрасив и горбат
И к тому же еще христианин.

Г р у б б е

Не такого бы ей жениха
Мы средь юношей наших сыскали...

С н о р р е,

Пусть покорна она и тиха,
Но печальнее мы не видали.

К о н у н г

Вы не любите Гондлы, я знаю,
Может быть, даже сам не люблю,
Но не Гондле я Леру вручаю,
А Ирландии всей королю.
С каждым годом становится туже
Крепкий узел, сжимающий нас,
Слишком злобны норвежские мужи,
У шотландца завистливый глаз.
Даже скрелинги, псы, а не волки,
Нападая ночью порой,

Истребили за морем поселки,
Обретенные некогда мной.
Над своими нас манит победа,
Каждый род ополчился на род,
Нападает сосед на соседа,
Брат на брата с дубиной идет.
Над Исландией тучи нависли,
И она бы погибла, но я
Небывалое дело замыслил —
Дать свободной стране короля.
Там, в Ирландии, жены, как луны,
Мужи ясны, в единстве святом,
Ибо скальдов певучие струны
Не нахвалятся их королем.
Осмотрительно, мудро и тонко
Я давал наставленья послам,
Чтоб оттуда достать лебеденка
Благородного выводка нам.
И Гер-Педер, моряк именитый
На холодный исландский утес
Из Ирландии, лавром увитой,
Королевского сына привез.
Гондла вырос, и ныне венчают
Гондлу с Лерой Спаситель и Тор,
Это волки союз заключают
С лебедями спокойных озер.
Две страны под единой державой,
Два мугучих орлиных крыла
Устремятся за громкою славой
Непреклонною волей орла.

Г р у б б е

Только кровь в нем, о Конунг, не наша,
Слаб в бою он и в играх ленив...

С н о р р е

Но Ирландия — полная чаша
Виноградников, пастбищ и нив.

(Конунг уходит).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

С н о р р е, Г р у б б е, Л а г е, А х т и
(хохочут)

Л а г е

Гондла! Гондла, властитель великий!

А х т и

Ну, наделал Гер-Педер хлопот!

С н о р р е

Не признаем его мы владыкой,
Но быть может признает народ.

А х т и

А когда мы откроем народу
Все, что знаем об этом щенке,
Кто такой он, какого он роду,
Где он будет, в дворце иль в реке?

Г р у б б е

Гондлу сжить нам пора бы со света,
Что нам конунг, ведь мы в стороне,
Надоела история эта
Подмененных мальчишек и мне.

Л а г е

Конунг стар.

С н о р р е

Вы не знаете ,дети,
Что страшней не найти никого,
Если б даже десятки столетий
Навалились на плечи его.
Он походкой неспешной, чугунной
Сорок тысяч датчан раздавил
И, единственный в целой подлунной,
На таинственный полюс ступил.
Никогда вы его не могли бы
О пощаде за ложь умолить,
Пусть сожрали Гер-Педера рыбы,
Старый Снорре надеется жить.

Лаге

А безумье сегодняшней свадьбы!
Мы ведь знаем, кто Лерина мать...
Снорре, может быть, это сказать бы?

Снорре

И об этом нам надо молчать.

Груббе

Яд помог бы нам в нашей заботе,
Так чтоб в смерть перешло забытье.

Лаге

И бывает еще: на охоте
Не туда попадает копье.

Ахти

Нет, я шутку придумал другую:
Гондла все таки духом высок,
Нанесем ему рану такую
Прямо в сердце, чтоб встать он не мог.
Только Лера окажется в спальне
И погасит огонь ночника,
Я беседой искусной и дальней
Задержу жениха простака.
Этим временем Лаге к невесте
Проберется и будет молчать,
Женский стыд с боязливостью вместе

Не дадут ей обмана понять.
И для Гондлы, вы знаете сами,
Станет мир тяжелее тюрьмы...
Над союзом волков с лебедями
Нахохочемся досыта мы.

С н о р р е

Верно! Этой обиды не может
Самый низкий мужчина снести.

Г р у б б е

Если душу подобное гложет,
То от смерти ее не спасти.

Л а г е

И наверное милая Лера
Свой смирить догадается гнев,
Ведь еще не бывало примера,
Чтоб пленяли горбатые дев.

А ж т и

Чу, идут! Расходитесь скорее,
Лаге здесь, остальные сюда!

Г р у б б е

Лет хоть на тридцать будь я свежее,
Я бы с Лаге поспорил тогда.
(Скрываются).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Входят Гондла и Лера.

Гондла

Лера, Лера, надменная дева,
Ты как прежде бежишь от меня!

Лера

Я боюсь, как небесного гнева,
Глаз твоих голубого огня.

Гондла

Ты боишься? Возможно ли это?
Ведь не ты ли бывала всегда
Весела, как могучее лето,
И вольна, как морская вода?
И не ты ли охоты водила
На своем вороном скакуне
И цветов никогда не дарила,
Никогда, одинокому, мне?

Лера

Вспоминаешь ты Леру дневную,
Что от солнца бывает пьяна,
А печальную Лаик ночную
Знает только седая луна.

Гондла

Лаик... странное, сладкое имя...

Лера

Так звала меня некогда мать,
Из Ирландии родом. Такими
Именами не здесь называть!

Гондла

Это имя мне дивно знакомо,
И такая знакомая ты,
И такая на сердце истома
От сверканья твоей красоты!
Ты не любишь меня, ты смеялась
Над уродливым Гондлой всегда...

Лера

Но когда я одна оставалась,
Я так горько рыдала тогда.
Для чего-то слепыми ночами
Уверяла лукавая мгла,
Что не горб у тебя за плечами —
Два серебряно-белых крыла,
И что родина наша не эта
Ненавистная сердцу тюрьма,
А страна, где зеленое лето
Никогда не сменяет зима.

Днем все иначе. Боги неволят
Леру быть и веселой и злой,
Ликовать, если рубят и колят,
И смеяться над Лаик ночной.

Г о н д л а

Дорогая, какое безумье,
Огневое безумье любовь!
Где вы, долгие годы раздумья,
Чуть запела горячая кровь!
Что мне гордая Лера дневная
На огромном вспененном коне,
Ты не Лера, ты девочка Лаик,
Одинокая в этой стране.

Л е р а

Как ты бледен и смотришь, маня...
Неужели ты любишь меня?

Г о н д л а

Я так вольно и сладко люблю,
Словно отдал себя кораблю,
А с тобой я еще не слыхал,
Как шумит набегающий вал.
И совсем не морские слова
Ты сказала с волшебной тоской,
Я внимал им, но понял едва,
Я услышал в них ветер морской.

Значит, правда открылась святым,
Что за бредами в нашей крови
И за миром, за миром земным
Есть свободное море любви.
Серафимы стоят у руля
Пестропарусных легких ладей,
А вдали зеленеет земля
В снеговой белизне лебедей.
Сердце слышит, как плещет вода,
Сердце бьется, как птица в руке,
Там Мария, Морская Звезда,
На высоком стоит маяке.

Л е р а

Ты бледнеешь опять, ты дрожишь...
Что с тобой, королевич мой белый?
Ты прекрасен, когда говоришь,
Ты как Бальдер, бросающий стрелы.

Г о н д л а

Ночь летит и летит на закат,
Ночи летние песни короче,
Вон, за окнами совы кружат,
Эти тихие горленки ночи.
Ах, к таинственной спальне твоей
Я сегодня пройду за тобою,
И любимая станет моей,
Самой близкой и самой родною.

Л е р а

Только, милый, не сразу входи,
Умоляю тебя, подожди,
Это глупое сердце в груди,
Что боится еще, пощади.
(Скрывается за дверь: входит Ахти)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Г о н д л а и А х т и

А х т и

Королевич, большую услугу
Ты бы мог мне теперь оказать...

Г о н д л а

Это Ахти? Старинному другу,
Другу детства готов я внимать.
Помнишь, между рябин, по дорожке
Мы взбегали на каменный вал,
Ты так часто мне ставил подножки,
Я срывался, а ты хохотал.
(Лаге у него за спиной прокрадывается к
Лере)

А х т и
(Смеется)

Это Лаге.

Гондла

Конечно и Лаге.

Он со мной был особенно груб.
Как дивился его я отваге
И улыбке насмешливых губ!
Быстроглазый, большой, смуглолицый,
Всех красивей, сильнее и смелей,
Он казался мне хищною птицей,
Ты же — волком исландских полей.
Странно! Был я и хилый и дикий,
Всех боялся и плакал всегда,
А над сильными буду владыкой,
И невеста моя, как звезда.

Ахти

В день, когда ты получишь державу
И властителем станешь вполне,
Ты наверно устроишь облаву
Небывалую в нашей стране?

Гондла

Я люблю, чтоб спокойно бродили
Серны в рощах, щипля зелены;
Слишком долго и злобно травили,
Точно дикую серну, меня.

Ахти

Ну, тогда ты поднимешь дружину
И войною пойдешь на датчан?

Хорошо королевскому сыну
Опорожнить на поле колчан.

Г о н д л а

Ахти, мальчик жестокий и глупый,
Знай, что больше не будет войны,
Для чего безобразные трупы
На коврах многоцветных весны?

А х т и

Понял. Все мы узнаем на деле,
Что отраднo веселье одно,
Что милы и седые метели,
Если женщины пенят вино.

Г о н д л а

Все вы, сильны, красивы и прямы,
За горбатым пойдете за мной,
Чтобы строить высокие храмы
Над грозящей очам крутизной.
Слышу, слышу, как льется победный,
Мерный благовест с диких высот,
То не колокол гулкий и медный —
Лебединое сердце поет.
Поднимаются тонкие шпили
(Их не ведали наши отцы) —
Лебединых сверкающих крылий
Устремленные в небо концы.

И окажется правдой поверье,
Что земля хороша и свята,
Что она — золотое преддверье
Огnezарного Дома Христа.

(Как бы очнувшись)

Ты просил о какой-то услуге?

А х т и

Ты уже оказал мне ее.

Что же медлишь нести ты к подруге
Лебединое сердце свое?

(Уходит смеясь. Гондла медленно входит к Лере. Шум. Гондла и Лаге вылетают, сцепившись. В дверях Лера в ночной одежде закрывает лицо руками. Вбегают Снорре, Груббе и Ахти)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гондла, Лера Снорре, Груббе,
Лаге, Ахти

Лаге

Как? Ты думаешь драться со мною,
Хочешь силу изведать мою?

Так прощайся, цыпленок, с землею,
Потому что тебя я убью.

(Бросает Гондлу на пол; его удерживают)

Гондла

Где он, где он, мой камень надгробный?
Как ты в спальню невесты проник?
Кто ты? Волк ненавистный и злобный
Иль мой собственный страшный
двойник? ..

Лаге

Ночью кошки и черные серы,
А отважным удачливый путь!
Что за нежные губы у Леры
И какая высокая грудь!

Снорре

Гондла умер.

Лера

Любимый, любимый,

Я не вынесу этих скорбей,
Ты живи, небесами хранимый,
А меня пожалей и убей...

Гондла

(вдруг поднимаясь).

Нет, я часто пугался пустого,
И сейчас это, может быть, бред.

Старый конунг последнего слова
Не сказал, многознающий, нет!
Боль найдет неожиданной тучей
И, как туча, рассеется боль —
Гондла умер? Нет, Гондла живучий,
Гондла ваш перед Богом король!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Двор замка, освещенный воткнутыми в стену факелами. Ночь еще продолжается.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Конунг сидит в креслах; по обе стороны от него Снорре и Груббе; напротив Лаге и Ахти, и отдельно от них Гондла.

К о н у н г

Разве может быть суд пред рассветом?
Солнце — лучший свидетель судьбы,
Королевич, подумав об этом,
Отложи обвиненья твои.

Г о н д л а

Как сумели бы стать правосудней
Правосудные вечно уста!
Словно солнце июльских полудней
Засияет моя правота.
Насмеявшись над правдой нетленной
И законом исландской земли,

Над моею короной священной
Дерзко руку враги занесли.
Я, как раненый лебедь в овраге,
Мне и муки и смерти больней,
Что сегодня насмешливый Лаге
Спал с прекрасной невестой моей.
Ненавистный, он брата ей ближе,
Он один ее видел нагой...
Защити же меня, защити же,
О могучий, от' пытки такой.
Пусть не ведает мщенье предела:
Привяжи его к конским хвостам,
Чтоб его ненасытное тело
Разметалось по острым кустам.
А потом запрети для примера
Даже имя его называть,
Чтобы я и несчастная Лера
Друг на друга посмели взирать.

К о н у н г
(к Лаге)

Что ты скажешь в свое оправденье,
Человек неправдивый и злой,
И какого ты ждешь наказанья
За поступок неслыханный твой?

Л а г е

Государь, я с простыми словами
Появляюсь пред взором судей,

Нас недаром прозвали волками
Здесь, в отчизне твоей и моей.
Что для девушки Гондла? Из меди .
Сердце Леры, и голос как рог,
Я же часто косматых медведей
Для нее поднимал из берлог.
Что я сделал, то сделал по праву,
Гондла слаб, я и смел и силен,
Нашим предкам бессмертную славу
Этот волчий доставил закон.

К о н у н г

(Снорре и Груббе)

Ярлы, ум ваш и ясен и зорок
Так судите ж обиду и боль,
Позабыв, что и Лаге вам дорог
И что Гондла ирландский король.

С н о р р е

Повелось по старинным обычаям:
Если двое полюбят одну,
То, не внемля причудам девичьим,
Начинают друг с другом войну.

Г р у б б е

Это верно! Так было и будет,
Как о правде иной ни кричи!
Если люди людей не рассудят,
Их наверно рассудят мечи.

К о н у н г

Гондла, слышал решение такое?
Справедливым считаю и я,
Что выходит герой на героя
И копьё не бежит от копья.
Мы твоей подивимся отваге,
Лера доблесть оценит твою,
Если Лаге, могучего Лаге,
Ты повергнешь в открытом бою.
Крепче стой! Я пред всеми отвечу
За огонь в королевской крови.
Неудержно бросается в сечу,
Кто достоин девичьей любви.
Помню, утром сияла пустыня,
Где Марстана я бросил в песок,
Сердце дрогнуло, словно богиня.
Протянула мне вспененный рог.
А когда вместе с Эйриком Красным
Я норвежцев погнал ввечеру,
День казался мне столь же прекрасным,
Как на самом роскошном пиру.

Г о н д л а

Конунг, судьи, вы знаете...

К о н у н г

Что же?

Гондла

Я горбат, вы забыли про то.
По закону калеку не может
К поединку принудить никто.

Конунг

Дело бранное дивно и чудно,
Смерть бежит от стремящихся в бой,
Почему же бывает так трудно
Трусу панцырь надеть боевой?

Гондла

К правосудью, судья, к правосудью!
Удержи эту лживую речь,
Или я королевскою грудью
Упаду на отточенный меч.
Поединок бессмыслен, а славу
Получает в народе простом
Царь, кладущий копье и державу
Покрывающий крепким щитом.

Конунг

Не любовник, не царь и не воин...
Бьется ль сердце в подобной груди?
Ты короны своей недостоин,
Мы тебя не хотим. Уходи.
(Выходит).

Гондла

(ему вслед)

Волк, и с поступью легкою, волчьей!
Я воды у него попросил,
Он же уксусом, смертною желчью,
Мой запекшийся рот оросил.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Те же без Конунга.

Гондла

Ярлы, к вам обращается правый,
Обвиненный в неправом суде,
Не теряйте прадедовской славы,
Вновь ее не найдете нигде.
Осужденный судебным решением,
Опрокинутый вражьем мечем,
Эгиль голову выкупил пеньем,
Пред норвежским представ королем.
Лютню мне! Лебединые саги
Вам о роде моем я спою,
Елси знает такие же Лаге,
Жизнь и честь отнимите мою.

Груббе

Ты не знаешь, какого ты рода,
Несуразный птенец и смешной,

Поливают у нас огороды
Королевскою кровью такой.

Л а г е

Где ты принцев видал, что умели
Лишь судиться, играть и рыдать,
Опоздали к девичьей постели
И меча не посмели поднять?

С н о р р е

Удивил бы тебя я безмерно,
Рассказавши о роде твоём,
Если б ведал, что конунг наверно
Никогда не узнает о том.

Г о н д л а

Лютню, лютню! Исчезнет злословье,
Как ночного тумана струи,
Лишь польются мои славословья,
Лебединые песни мои.

А х т и

(протягивая лютню)

Эта лютня всегда приносила
Славу самым плохим игрокам,
В ней сокрыта волшебная сила
Сердце радовать даже волкам.

Гондла

(играет и пробует петь)

Разгорается звездное пламя...
Нет, не то! На морском берегу...
Ах, слова не идут мне на память,
Я играю, а петь не могу.

Ахти

Ну, теперь мы увидим потеху!
Эта лютня из финской страны,
Эту лютню сложили для смеху,
На забаву волкам колдуны.
Знай же: где бы ты ни был, несчастный,
В поле, в доме ли с лютней такой,
Ты повсюду услышишь ужасный,
Волчий, тихий, пугающий вой.
Будут волки ходить за тобою
И в глаза тебе зорко глядеть,
Чтобы, занятый дивной игрою,
Ты не мог, ты не смел ослабеть.
Но когда-нибудь ты ослабеешь,
Дрогнешь, лютню опустишь чуть-чуть
И, смятенный, уже не успеешь
Ни вскричать, ни взглянуть, ни
вздохнуть.

Волки жаждали этого часа,
Он назначен им был искони,
Лебединогo сладкого мяса
Так давно не терзали они.

(Слышен волчий вой. Гондла в ужасе убегает, продолжая играть. Остальные прислушиваются).

Лаге

Ты уверен ли в лютне?

Ахти

Еще бы!

Хоть двойное заклятье на ней,
Но от волчьей, от алчущей злобы
Никогда не уйдет дуралей.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Те же без Гондлы.

Лаге

Что за диво? Неясные звуки
И тревожат меня и томят.

Снорре

Я как будто проснулся от скуки
И чему-то мучительно рад.

Груббе

Этот Гондла придумает вечно,
Как ему стариков огорчить.

А х т и

Я доволен собой бесконечно,
Но зато не могу не завывать.

(Воет :все переглядываются)

С н о р р е

Брат, ты слышишь? Качается вереск,
Пахнет кровью прохлада лугов.

Г р у б б е

Серый брат мой, ты слышишь? На берег
Вышли козы, боятся волков.

С н о р р е

Под пушистою шерстью вольнее
Бьется сердце пустынных владык.

Г р у б б е

Зубы белые ранят больше
Крепкой стали рогатин и пик.

Л а г е

Надоели мне эти кафтаны!
Что не станем мы сами собой?
Побежим, побежим на поляны,
Окропленные свежей росой.

А х т и

Задохнемся от радостной злости,
Будем выть в опустелых полях,
Вырывать позабытые кости
На высоких могильных холмах.

Г р у б б е

Гондлу выследим. Лаге нагонит,
Снорге с Ахти наскочат сам друг.

А х т и.

Но не прежде чем лютню уронит,
Гондла лютню уронит из рук.
(Убегают, входит Гондла играя)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гондла один.

Г о н д л а

Обманули меня. Насмеялись
Над горбатым своим королем.
А когда-то друзьями казались,
Дом их был мой единственный дом.
Вой все ближе, унылый, грозящий,
Гаснет взор, костенеет рука,

Сердце бьется тревожной и чаще
И такая, такая тоска!
Но зачем я стою у порога,
Если прямо среди дымных полей
Для меня протянулась дорога
К лебединой отчизне моей.
Только стану на берег зеленый,
Крикну: лебеди, где вы? Я тут! —
Колокольные ясные звоны
Нежно сердце мое разобьют.
И не слушая волчьей угрозы,
Буду близкими я погребен,
Чтоб из губ моих выросли розы,
Из груди многолиственный клен.
А потом лебединая стая
Будет петь надо мною всегда
Про печальную девочку Лаик,
Что моей не была никогда.

(Хочет уйти. Вбегает Лера).

СЦЕНА ПЯТАЯ

Гондла и Лера

Лера

Гондла, Гондла, меня оскорбляли,
Угрожали держать взаперти,
Я свивалась узлом от печали,
Но к тебе не могла не прийти.

Гондла

Ты пришла? Разве ты не слыхала?
Я изгнанник, я всеми травим,
А одна диадема пристала
Ослепительным кудрям твоим.

Лера

Я пока еще Лаик, не Лера,
Я верна обещаньям любви,
Хоть рассветное небо и серо,
Зажигая безумье в крови.
Ах, коснись меня нежной рукою,
Защити от меня же самой,
Не возлюбленной, только сестрою,
Я ведь смею итти за тобой.

(Опускается перед ним на колени. Гондла
поднимает ее)

Гондла

Ты улыбка Господня. Мы оба
Из великой семьи лебедей.
Для тебя я восстал бы из гроба,
За тебя я прощаю людей.

Лера

Ты не знаешь про новое горе:
Мы от гибели были близки,

Я заметила когти у Снорре,
А у Груббе большие клыки.
Все они собрались в ожиданьи,
Помнишь, в старый заброшенный ров,
Там колдун говорил заклинанья,
Чтоб совсем превратить их в волков.
Красной кровью наполнены чаши,
Что-то варится в медных котлах...
Унеси меня к родине нашей
На своих лебединых крылах.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Глухой лес. Июльский полдень.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Входит Лера и Гондла с лютней. Попрежнему в отдалении слышен волчий вой.

Л е р а

С добела раскаленного неба
Словно льются потоки огня...
Ты не взял ни орехов, ни хлеба
И голодной оставил меня.

Г о н д л а

Лаик...

Л е р а

Нат, называй меня Лерой,
Я живу на земле, не в гробу,
Счастье меряю полною мерой
И за горло хватаю судьбу.

Гондла

Счастья мера, а муки безмерность —
Вот вся жизнь; но я жив, не таю,
Чтоб узнать благородную верность,
Лебединую нежность твою.

Лера

Королевич, условиться надо:
Я не буду твоей никогда,
Между нами навеки преграда
Из девичьего стала стыда,
Нет, я буду могучей, спокойной,
Рассудительной, честной женой
И царицей, короны достойной,
Над твоею великой страной.
Да, царицей! Ты слабый, ты хилый,
Утомлен и тревожен всегда,
А мои непочатые силы
Королевского ищут труда.

Гондла

Я согласен. Пусть Лера дневная
Управляет на троне моем,
С ненаглядною девочкой Лаик
Ночью будем мы плакать вдвоем.

Лера

Только солнце опустится в море
И наступит таинственный час,

За дверьми на тяжелом затворе
Лаик будет сокрыта от глаз.

Г о н д л а

Ты жестока ко мне. Ты не видишь,
Я уже не похож на людей,
Неужели ты также обидишь
И веселых моих лебедей?

Л е р а

Королевич, поверь, что не хуже
Твоего будет царство мое,
Ведь в Ирландии сильные мужи,
И в руках их могуче копье.
Я приду к ним, как лебедь кровавый,
Напою их бессмертным вином
Боевой ослепительной славы
И заставлю мечтать об одном, —
Чтобы кровь пламенела повсюду,
Чтобы села вставали в огне...
Я сама, как валкирия, буду
Перед строем летать на коне.

Г о н д л а

Лера! Нет... что сказать ты хотел?
Вспомни, лебеди верят в Христа...
Горе, если для черного дела
Лебединая кровь пролита.

Л е р а

Там увидим. А солнце все злее
Отдохнуть нам, пожалуй, пора.

Г о н д л а

Я воды принесу посвежее
И посуше ветвей для костра.
(Уходит).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Л е р а и Л а г е, который входит.

Л а г е

Л е р а.

Л е р а

Дерзкий, ты можешь? Ты смеешь?

Л а г е

Да я смею. Тебя я люблю.

Л е р а

Дай мне меч твой, дай меч мне скорее
И тебя я сейчас заколю.

Лаге

Если хочешь, возьми. Мне не внове
Забавляться опасной игрой.
Солнцу летнему хочется крови,
В нас вселяет безумие зной.

Лера

Злобный волк!

Лаге

Мне приятны проклятья,
Жизнь дешевле твоей красоты,
И в последнем предсмертном объятии
Будешь сжата, единая, ты.

Лера

Что ты хочешь?

Лаге

От Леры и боли.

Лера

Ты меня не любил, ты был груб.

Лаге

Да, тебя не любил я, доколе
Я твоих не почувствовал губ.

Не забыть твоего поцелуя,
Пусть я волк, ты — волчица моя,
И тебя никогда не пущу я
Ни в какие иные края.

Л е р а

Уходи.

Л а г е

Я уйду, но с тобою,

Л е р а

Гондла может вернуться.

Л а г е

Ну что ж?

Иль для Гондлы ты стала рабою,
За горбатым повсюду пойдешь?

Л е р а

Я жена королевича. Смело
Перед всеми скажу я о том,
И корона Ирландии целой.
Наградит мою верность потом.

Л а г е

Не отвечу на это ни слова,
Хоть и многое мог бы сказать,
Только муж ли тебе он? Другого
Ты тогда не могла б обнимать.

Л е р а

Лаге, Лаге, какими словами,
Как меня оскорбить ты готов?

Л а г е

Лера, все, что случается с нами,
Происходит по воле богов.
Сильный Тор опьянил меня страстью,
Фрея в спальню твою привела,
Волк Фенрир с угрожающей пастью
Сторожил, как моей ты была.
Пусть уйдешь ты далеко, пусть кинешь
Небожителей наших и нас.
Но из памяти разве ты вынешь
Тот жестокий и сладостный час?

Л е р а

Ты был страшен тогда; мне казалось,
Что огонь пожирает меня.

Л а г е

Ты смотрела и ты улыбалась
Веселей и страшнее огня

Л е р а

Выжди, Лаге, позволь воцариться
Мне в богатой и сильной стране
И тогда, как кочующий рыцарь,
Приходи откровенно ко мне.

Лаге

Да, но ты поцелуешь сначала,
Поцелуешь меня, как тогда...

Лера

Нет, не надо.

Лаге

Ведь ты обещала...

Лера, помнишь ли прошлое?

Лера

(целуя его).

Да.

(Входит Гондла).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Лера, Лаге, Гондла, потом Груббе.

Гондла

Лаге? Лаге опять? На колени!
Я король, пресмыкайся, змея!

Лера

Нам не надо твоих повелений,
Ведь корона моя не твоя.

Гондла
(не слушая)

Вот теперь-то добьюсь я ответа
От тебя, возмутившийся раб!

Лаге
Посмотрю, как ты сделаешь это;
Мы в лесу, я с мечем и не слаб.

Гондла.
Честь мою не унижу я спором,
Лютню брошу, себя погубя,
И падет небывальым позором
Королевская кровь на тебя.

Лера
(к Лаге)

Уходи же!

Лаге
Но ты обманулась,
Никаких здесь властителей нет!
Эта шутка и так затянулась
На пятнадцать без малого лет.

Гондла
Что за ложь?

Л е р а

Я понять бы хотела...

Л а г е

(указывая на входящего Груббе)
Груббе все рассказать вам готов,
Очевидец нелепого дела
На одном из старинных судов.

Г р у б б е

Расскажу. Что отрадней былого
Для такого, как я старика?
Лере в пользу пойдет это слово
И вдобавок унизит щенка.
Помню, помню, как злилась пучина,
Мы с Гер-Педером рвали волну,
Увозя королевского сына
Из Ирландии в волчью страну.
Сам король отпустил лебеденка,
Но Гер-Педер, затейник пустой,
Взял с собой и другого ребенка,
Некрасивого, крови простой.
С ним за это поспорил бы каждый,
Но Гер-Педер был друг мне, не лгу,
Мы варили кита не однажды
С ним, на Страшном живя Берегу.
С нами ехал и маленький Лаге,
Сын любимый Гер-Педера, он

Раз делил с королевичем флаги,
Поднял ссору и, вмиг обозлен,
Бросил бедного мальчика в море.
И беде не сумели помочь
Ни Гер-Педер, ни я и ни Снорре,
Потому что надвинулась ночь.
До утра бушевала пучина
И Гер-Педер молчал до утра, —
Все он видел, как голову сына
Отсекает удар топора.
А на утро сказал: лебеденка
Все равно мы теперь не вернем,
Так давайте, другого ребенка
Королевичем мы назовем.
Он молил нас, и мы согласились
Неразумного Лаге спасти,
Дальше поплыли, ветры бесились
Как гуляки, у нас на пути.
Связки молний пылали на небе,
И до тучи доплескивал вал;
Мы гадали по книге, и жребий
На Гер-Педера трижды упал.
И его мы швырнули в пучину,
Но сперва поклялись перед ним,
Что подложному царскому сыну
Мы жестоко за все отомстим.

Г о н д л а
(быстро)

Кто отец мой?

Г р у б б е

Бродячий, ничтожный
Скальд, забыли теперь про него.

Г о н д л а

Кто же мать моя?

Г р у б б е

Нет, осторожно,
Больше я не скажу ничего
(к Лере)

Вот, короной венчан шутовскою,
Он поднять не осмелится глаз.

Л е р а

Груббе, Лаге, оставьте со мною
Эту... этого... Гондлу сейчас.
(Груббе и Лаге выходят).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Л е р а и Г о н д л а.

Л е р а

Что же, друг? Ты обманно назвался
Королевичем? Значит, ты вор?

Ты корону мне дать обещался,
А даешь только боль и позор.
Полно! Есть и глумлению мера,
Не превысит ее человек!
Иль ты думал, что глупая Лера,
Как развратница, любит калек?
Что рожденной отцом благородным
Так уж лестно покинуть свой дом
И повсюду итти за негодным
Нищим, может быть, даже рабом?
Где же лютня? Играй. Так уныло
Воют волки в полях и лесах,
Я тебя до сих пор не убила,
Потому что мне дорог твой страх.
Но ничто не бывает, ты знаешь,
Окончательным, даже беда,..
Например: если ты утверждаешь,
Что король ты и был им всегда, —
Кто помеха тебе в этом деле?
Снорре, Груббе? Их можно убрать.
Лаге с нами. Мы б верно сумели
Властелинами заново стать.

Г о н д л а

Там, в стране, только духам известной,
Заждались короля своего,
Мой венец не земной, а небесный,
Лаик, терны — алмазы его.

Л е р а

Так? Ну помни обет мой веселый,
Чуть погаснет на западе луч,
Лаик будет за дверью тяжелой
И у Лаге окажется ключ.
Он войдет к ней, ее он измучит
Нанасытным желаньем мужским.
Он ее наслаждаться научит,
И смирится она перед ним.
И на месте тоскующей Лаик
Будет Лера и ночью и днем,
Неустанно тебя проклиная,
Называя трусливым щенком.

(Кричит)

Где вы, сильные, волки, не люди?
Пусть же когти пустынных владык
Вырвут низкое сердце из груди,
Из гортани лукавый язык.

(Показываются Снорре, Груббе, Лаге, Ахти)

Вот смотрите, он голову клонит.
Кто убьет его, будет мне друг...

А х т и

Но не прежде, чем лютню уронит,
Гондла лютню уронит из рук.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Лера, Гондла, Снорре, Груббе,
Лаге, Акти.

Лера

Сладко мне улыбнуться героям!

Груббе

Не бывало подобной жары,
Жилы словно наполнены зноем
И в глазах огневые шары.

Снорре

Мы оленя убили, тяжелый,
Словно лошадь, достанет на всех.

Акти

Я же браги хмельной и веселой
Захватил полуведерный мех
(Все, кроме Гондлы, садятся)

Лаге

Гондла, живо костер! Поднимаю
Первый кубок за Леру мою.

Снорре, Груббе и Акти
Пьем за Леру мы все!

Л е р а

Принимаю

И за Лаге могучего пью,

А х т и

(втаскивая оленью тушу).

Вот олень. Жира, жира-то сколько!

Ну, волкам не пропасть без еды.

Л а г е

Сердце — Лере.

А х т и

Конечно, но только

Прежде вымою. Гондла, воды!

Л а г е

Ах, вино мне удвоило силы.

Л е р а

Я любовью и солнцем пьяна,

Этой ночью не правда ли, милый,

Ты придешь ко мне?

Л а г е

(обнимая ее)

Гондла, вина!

Снорре, Груббе и Ахти

Гондла, музыки! Лютня такая
Для чего у тебя, нелюдим?
Целый день проведешь ты играя,
А под вечер тебя мы съедим.

Лаге

(наклоняясь к Лере)

Как мучительно рот мой находит
Твой кровавый, смеющийся рот!

Лера

Посмотрите, горбатый уходит.

Ахти

Ну, далеко от нас не уйдет.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лес на берегу моря. Большие утесы. Вечер.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Г о н д л а один, потом отряд ирландцев с вождем во главе.

Г о н д л а

Не пойму, это солнце на небе
Или боль просияла моя?
Не пойму, человек или лебедь
Лебедь с сердцем проколотым я?
Нет, я царь этих дебрей суровых,
И меня коронует Христос
Диадемою листьев кленовых
И росю обрызганных роз.
О, когда бы враги посмотрели,
Как мне кланялась эта скала,
Как молили меня эти ели
Защитить их от всякого зла!
Если сан мой признала природа,
То они ли поспорят о том,

О царе лебединого рода
И с проколотым сердцем притом?
(Входят ирландцы)

В о ж д ь

Словно место недавних пожаращ
Этот лес иль убийств потайных...
Как пройти нам к проселку, товарищ?
Закружились мы в дебрях твоих.

Г о н д л а

Что хотите вы делать в поселке,
Люди-лебеди, братья мои?
Там живут беспощадные волки,
Осквернители милой любви.

В о ж д ь

Он безумный, не будем смеяться
И с собою-его уведем
(К Гондле)

Знай, нам нужно в поселок пробраться
За своим молодым королем.

Г о н д л а

Я король ваш.

В о ж д ь

Он вовсе безумный.

Гондла

Что, скажите, в родимой стране
Так же ль трубы архангелов шумны,
Звезды так же ль глубоко на дне?
Что Георгий? В заоблачных долах
С Пантелеймоном друг и сейчас?
Двое юношей знатных, веселых,
Утешители ангельских глаз.
Магдалина от скорби предвечной
Отдохнула ли львиной душой?
Брат Христов Иоанн? Он конечно
Апокалипсис пишет второй.

Вождь

Бедный ум, возалкавший о чуде,
Все мы молимся этим святым,
Но, простые ирландские люди,
Никогда не входили мы к ним.
(Выходят Снорре, Груббе, Лаге, Ахти)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гондла, вождь, ирландские воины, Снорре,
Лаге, Груббе, Ахти.

Ахти

Гондла, что же ты бродишь лентяем,
Почему эта лютня молчит?

Г р у б б е

Мы немедля тебя растерзаем,

Л а г е

Иль играй, или будешь убит.

Г о н д л а

Нет, я больше волкам не играю,
Я живу в огнезарном раю,
Не допрыгнуть вам к этому раю,
Только лютню возьмете свою.

(Кидает к их ногам лютню. Они бросаются на него)

В о ж д ь

(ирландцам)

Братья, вступимся, он христианин
И наверно из нашей страны.
(Ирландцы отбрасывают исландцев)

С н о р р е

Горе нам!

Г р у б б е

Я повержен.

Лаге

Я ранен.

Ахти

Лебединые клювы сильны.

Вождь

Вы хорьки, вы трусливые души,
На безумного бросились вы:
Разве мало вам крыс и лягушек,
Что хотите его головы!

Снорре

Этот юноша, бледный и странный,
Был судим справедливым судом
И был изгнан. Назвался обманно
Он Ирландии всей королем.

Вождь

Как, не он ли к исландским равнинам
Был когда-то от нас увезен,
Чтобы выросши стать господином
Над союзом обоих племен?

Груббе

Не товарищ булыжник орешку!
Двух младенцев Гер-Педер увез,

Королевич погиб, и в насмешку
Королевичем назван был пес.

В о ж д ь
(к Гондле)

Государь, мы тебя не узнали,
Не суди же покорных рабов,
Но скажи, чтобы мы разметали
Этих низких и злобных волков.

Г о н д л а

Я король в небесах, я изведал,
Полюбил огнекрылую боль,
Но вам истину Груббе поведал,
Что в Ирландии я не король.

В о ж д ь

Наступили тяжелые годы,
Как утратили мы короля,
И за призраком легкой свободы
Погналась неразумно земля.
Мы наскучили шумом бесплодным,
И был выбран тогда наконец
Королем на собраньи народном
Вольный скальд, твой великий отец.
Он нам дал небывалую славу
И когда наконец опочил,

Пурпур мантии, скипетр, державу
Он тебе передать поручил.

(Надевает на Гондлу мантию, передает ему
скипетр и державу)

Г р у б б е

Мы еще не слыхали об этом.

Л а г е

Значит все таки Гондла король,
И корона пронизана светом
На кудрях его черных, как смоль.

А х т и

Ах, двойному заклятью покорный,
Музыкальный магический ход
Или к гибели страшной и черной
Или к славе звенящей ведет.

(Входит конунг).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Те же и Конунг

К о н у н г

Гондла здесь? Не отправился в море?
Не утратили мы короля?
Так зачем же вещало мне горе

Сердце, старое сердце, боля?
Дождь над замком пролился кровавый,
Плавал в воздухе столб огневой,
Перед дверью орел величавый
Пал, растерзанный черной совой.
Эти страшные знаменья ясно
Говорят неземным языком,
Что невинный был изгнан напрасно
И судим был неправым судом.

Г о н д л а

Нет, я звездный король и надзвездный,
Что земле я и что мне земля?
Лебедям короли бесполезны
И не надо волкам короля!

Г р у б б е

Королевич, старинные были
Затуманили наши умы,
Мы тебя беспощадно травили
И о правде не ведали мы.
Ты был мальчиком, ныне стал мужем,
И корона, корона — твоя,
Мы тебе так охотно послушим
Острием боевого копья.

А х т и

Правда, Ахти не сыщешь лукавей,
Но прошу о пощаде и я,

Вспомни, Гондла, к короне и славе
Привела тебя лютня моя.
Под знаменами станет твоими
Вся ночная громада волков,
И, клянусь, с лебедями такими
Даже я подружиться готов.

Л а г е

Ты мне друга и брата милее,
Я не знаю и сам почему,
Ты как будто славнейших славнее
И уже непостижен уму.
Если скажешь: в нелепое веруй! —
Тотчас волю исполню твою,
Никогда не увижу я Леру,
Если хочешь, себя я убью.

С н о р р е

Гондла, Гондла, на все преступленья
Королевскую милость пролей,
Знай, ты можешь простить оскорбленье,
Нанесенное Лере твоей.
Брат с сестрой — вы. Морские пираты
Вашу мать в этот край завезли,
Для нее и Гер-Педер когда-то
Взял тебя из ирландской земли.
Все, я помню, она тосковала
И грустила она день и ночь,
Все, я помню, крестить умоляла

Здесь от волка рожденную дочь.
Королевич, подумай, что б стало.
Если б Лера твоею была.
Наша злоба вас двух сохраняла
От богам нестерпимого зла.

В о ж д ь

Поднимается ветер вечерний,
За утесами видно луну,
И по морю из ртути и черни
Мы отправимся в нашу страну.
Не прощают, мы ведаем сами,
За такие обиды и боль,
Хоть союза волков с лебедями
И котел наш покойный король.

Г о н д л а

Совершилось, я в царской порфире,
Три алмаза в короне горят,
О любви, о прощеньи, о мире
Предо мною враги говорят.
Наужели отныне я стану
Властелином на двух островах,
Улыбаясь в лицо океану,
Что их держит на крепких стеблях?
Или просто к стране лебединой,
К милым кленам и розам уйду,
На знакомые сердцу равнины,
О которых я плакал в бреду?

Нет! Мне тягостно, жалко чего-то,
Я о чем-то великом забыл,
И как черная птица, забота
Грусть навеяла взмахами крыл.

(Показывается Лера, прячущаяся за дверями)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Те же и Лера

В о ж д ь

Странный лес, всюду шорохи, стоны,
Словно духи в нем бродят всегда;
Вон в траве промелькнуло зеленой...
Это женщина... женщина, да!

(Выводит Леру за руку)

К о н у н г

Это Лера?

А х т и

Я требую казни!

Лера милою Гондлы была,
А смеялась над ним без боязни,
С нами ела и с Лаге пила.

Г р у б б е

Если женщина мужа не любит,
Эту женщину должно убить!

С н о р р е

Всякий радостно злую погубит,
Только... Гондлу бы надо спросить.

Л е р а

(простирая руки к Гондле)

Брат, жених, я тебя умоляю,
Отправляйся с твоими людьми
К лебединому, к белому раю
И корону, корону прими.
А меня, бесконечно чужую
Мысли, сердцу и сну твоему,
Посади меня в башню глухую,
Брось в глубокую яму-тюрьму,
Только так, чтоб вечерней порою
Я слыхала, как молишься ты.
Будет звездами, солнцем, луною
Этот звук для моей слепоты.

Г о н д л а

Вспомнил, вспомнил. Сиянье во взоре.
Небо в лунной волшебной крови
И взволнованный голос, и море,
Да, свободное море любви!

Новый мир, неожиданно милый,
Целый мир открывается нам,
Чтоб земля, как корабль светлокрылый,
Поплыла по спокойным водам.

(Берет у вождя меч и поднимает его руко-
ятью вверх)

Лера, Конунг и волки, сегодня,
В день, когда увенчали меня,
Я крещу вас во имя Господне,
Как наследников Вечного Дня.
Белым лилиям райского сада
Будет странно увидеть волков...

К о н у н г

(отступая)

Нет, нам нового Бога не надо!

С н о р р е, Г р у б б е и А х т и

Мы не выдадим старых богов.

Г о н д л а

Вы колеблетесь? Лаик, скорее!
Лаик, слышишь архангельский хор?

Л е р а

Ах, мне Бальдера жалко и Фрей,
И мне страшен властительный Тор.

Г о н д л а

Вы отринули таинство Божье,
Вы любить отказались Христа,
Да, я знаю, вам нужно подножье
Для его пресвятого креста.

(Ставит меч себе на грудь)

Вот оно. Я вином благодати
Опьянился и к смерти готов,
Я монета, которой Создатель
Покупает спасенье волков

(Закалывается)

Лаик, Лаик, какое бессилье!
Я одну тебя, Лаик, любил...
Надо мною шумящие крылья
Налетающих ангельских сил.

(Умирает)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же перед трупом Г о н д л ы

В о ж д ь

(наклоняется над трупом)

Меч пришелся по жизненной жиле,
И ему не поднять головы!

(к исландцам)

Одного лебединка убили
А другого замучили вы.

(Поднимая меч рукоятью вверх)

Подходите, Христовой любовью
Я крещу, ненавидящих, вас,
Ведь не даром невинною кровью
Этот меч обагрился сейчас.

(Исландцы подходят один за другим, целуя
рукоять меча)

К о н у н г

Гондла добыл великую славу
И великую дал нам печаль.

С н о р р е

Да, к его костяному составу
Подмешала природа и сталь,

Г р у б б е

Я не видел, чтоб так умирали
В час, когда было все торжеством.

Л а г е

Наши боги поспорят едва ли
С покоряющим смерть божеством.

(прячась за других)

Нет мне страшны заклятия эти
И в небесный не хочется дом,
Я пожалуй десяток столетий
Проживу и земным клодовством.

(Скрывается)

В о ж д ь

(к Лере)

Что же, девушка? Ты отступила?
Ты не хочешь Нетленного Дня?

Л е р а

Только Гондлу я в жизни любила,
Только Гондла окрестит меня.

В о ж д ь

Гондла умер,

Л е р а

Вы знаете сами,
Смерти нет в небесах голубых,
В небесах снеговыми губами
Он коснется до жарких моих.

Он — жених мой, и нежный и страстный,
Брат, склонивший задумчиво взор,
Он — король величавый и властный,
Белый лебедь родимых озер.
Да, он мой, ненавистный, любимый,
Мне сказавший однажды: люблю! —
Люди, лебеди иль серафимы,
Приведите к утесам ладью.
Труп сложите в нее осторожно,
Легкий парус надуется сам,
Нас дорогой помчав невозможной
По ночным и широким волнам.
Я одна с королевичем сяду
И руля я не брошу, пока
Хлещет ветер морскую громаду
И по небу плывут облака.
Так уйдем мы от смерти, от жизни
— Брат мой, слышишь ли речи мои? —
К неземной, к лебединой отчизне
По свободному морю любви.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОСТЕР

	Стр.
Деревья	5
Андрей Рублев	6
Осень	7
Детство	8
Городок	9
Ледоход	11
Природа	12
Я и Вы	13
Змей	14
Мужик	16
Рабочий	18
Швеция	19
Норвежские горы	20
На Северном море	21
Стокгольм	23
Творчество	24
Утешение	25
Прапамять	26
Канцона первая	27
Канцона вторая	28
Канцона третья	29
Самофракийская победа	30

Роза	. . . . .	31
Телефон	. . . . .	32
Юг	. . . . .	33
Рассыпающая звезды	. . . . .	34
О тебе	. . . . .	35
Сон	. . . . .	36
Эзбекие	. . . . .	37

ГОНДЛА